

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПСЕЛЛ О ПРИЧИНАХ ПОСЛЕДНЕГО ПОХОДА РУССКИХ
НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1043 г.

Единственным историком-современником и очевидцем нападения русских на Константинополь в 1043 г., составившим описание этого события, является Михаил Пселл. Его свидетельство поэтому приобретает первостепенное значение среди других известий об этом походе. Сообщение Пселла заслуживает особого внимания еще и потому, что он ставит перед собой задачу специально рассказать о причинах столкновения. Описав триумф в столице весной 1043 г. по поводу победы над Георгием Маниаком, Пселл говорит, что теперь он хочет «объяснить причины» нападения русских на Константинополь, поскольку император Константин IX Мономах «ни в чем не обнаружил себя их противником».

«Итак, — пишет историк, — варварское это племя во все времена враждовало и питало злобу против державы ромеев (ἐπί τῆν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν) и при каждом случае, измышляя ту или иную причину, делало ее предлогом для войны против нас. Когда умер внушавший им страх автократор Василий, а за ним завершил определенную ему судьбою часть века его брат Константин, на котором окончилась власть благородного дома, они опять возобновили старую вражду против нас и понемногу готовились к предстоящим войнам. Поскольку же они считали и царствование Романа блестящим и славным, с приготовлениями у них не все было в порядке. Когда же умер и он, прожив непродолжительное время в императорском достоинстве, а власть попала к некоему безвестному Михаилу, против него они именно и вооружали свои силы. Зная, что вторгаться к нам нужно через море, они нарубили в верховьях деревьев, выдолбили малые и большие ладьи и, втайне понемногу достаточно подготовившись, хотели с большим флотом отплыть против Михаила. Когда у них все было подготовлено и война должна была разразиться, этот император предупредил их отплытие, оставив земную жизнь. Поскольку же и преемник его умер, едва запечатлев свой след в императорском дворце, а власть утвердилась за Константином, варвары, хотя ни в чем не могли обвинить его ради войны, но для того чтобы их приготовления не оказались бесполезными, развязали против него беспричинную войну. Итак беспричинна эта причина их движения против самодержца»¹.

В приведенном отрывке трижды подчеркивается, что война русских против византийцев была беспричинной, точнее, что она произошла ни в коем случае не по вине Мономаха. Новый император, старается доказать Пселл, не дал никакого повода для начала военных действий.

¹ Michel Psellos. Chronographie, ed. par E. Renauld, II. Paris, 1928, p. 8.1—9.28.

Однако доводы, приведенные историком, чтобы обосновать свое утверждение, производят жалкое впечатление. Достаточно внимательно прочитать текст процитированного выше отрывка из «Хронографии», чтобы возник вопрос о степени осведомленности или правдивости этого близкого ко двору, талантливого и ловкого царедворца.

Война 1043 г. не подверглась достаточно углубленному изучению в отечественной историографии. О первых походах Руси на Константинополь написаны десятки работ, событиям же 1043 г., происшедшим в период расцвета Древнерусского государства, не было посвящено ни одного специального исследования². Исключая работы В. Г. Васильевского, до недавнего времени о войне русских с византийцами в 1043 г. делались в лучшем случае лишь попутные замечания, главным образом с целью определить значение этого события для будущих, преимущественно церковных, отношений Руси и Византии. Тем не менее, поспешные и чрезвычайно широкие выводы, полученные в ходе этих попутных рассуждений, прочно прижились в русской и советской историографии. Самыми неясными остаются причины похода. Этого вопроса коснулся В. Г. Васильевский. Отметив, что о причинах войны 1043 г. наиболее полные сведения сообщают Михаил Пселл и Скилица³, и приведя переводы обоих сообщений, В. Г. Васильевский замечает: «Едва ли Пселл хорошо знал то, что делалось, и особенно, что замышлялось на берегах Днепра; его известия о постоянном враждебном настроении русских, о неоднократных их сборах к походу на Константинополь возбуждают недоумение и сомнение»⁴. Отдавая, как кажется, предпочтение известию Скилицы, В. Г. Васильевский больше не возвращается к сообщению Пселла.

Через треть века к указанному свидетельству обратился М. Д. Приселков. Ошибочно толкуя текст Пселла, этот историк пришел к выводу, что в 1043 г. русские предприняли поход, чтобы свергнуть церковно-политическую «игемонию» Византии над Русью, поскольку церковные отношения в то время были «неотделимой частью отношений политических» и поскольку греческий митрополит в Киеве «стал играть видную политическую роль не только как проводник распоряжений императора, но и как один из направляющих центров междукняжеских отношений»⁵.

Этот вывод приняли на веру В. В. Мавродин⁶ и Д. С. Лихачев⁷. Однако в 1950 г. с критикой концепции М. Д. Приселкова выступил И. У. Будовниц. Он справедливо указал на чрезвычайное преувеличение этим историком роли церковно-иерархических отношений Руси с Византией, которые, по мнению М. Д. Приселкова, во многом определяли политическую жизнь Древней Руси. И. У. Будовниц дал свое толкование

² Разумеется, таким исследованием нельзя считать короткую заметку А. Куника, в которой комментируется известие нашей летописи о походе 1043 г. (А. Куника. Русский источник о походе 1043 г. — В кн.: Б. Дорн. Каспий. О походах русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. — ЗАН, т. 26, 1876. Приложение).

³ Михаил Атталиат (Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853, p. 20.9—21.14) ничего не говорит о причинах столкновения.

⁴ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. — «Труды», т. I. СПб., 1908, стр. 307.

⁵ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 90; его же. Русско-византийские отношения IX—XII вв. — ВДИ, 1939, № 3, стр. 103—104.

⁶ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 367; его же. Древняя Русь. Л., 1946, стр. 262 сл.

⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 46—50.

употребляемому Пселлом термину «ἡγεμονία», который означает в данном контексте не «власть», «господство», а попросту «держава»⁸.

И. У. Будовница решительно поддержал М. В. Левченко. Он впервые свел воедино свидетельства русских и иностранных источников, касающихся похода 1043 г., и попытался выявить обстоятельства, предшествовавшие походу. М. В. Левченко полагал, что после крещения Владимира «мирные отношения между Русью и Византией не прерывались вплоть до войны 1043 г.»⁹ Вполне обоснованным представляется также мнение М. В. Левченко относительно враждебных действий против Византии в 1023—1025 гг. родственника Владимира — некоего Хрисохира¹⁰. «В нашем распоряжении, — пишет М. В. Левченко, — нет известий, показывающих, что гибель Хрисохира послужила поводом для конфликта между двумя государствами»¹¹.

Согласился М. В. Левченко и с переводом термина «ἡγεμονία», предложенным И. У. Будовницей¹². Странным образом, однако, отвергая предположение, что в словах Пселла «старая вражда» следует видеть намек на какие-то враждебные действия русских против византийцев накануне похода 1043 г., М. В. Левченко по существу повторяет тезис М. Д. Приселкова, когда заявляет, что «у русских уже давно назревала бешеная ненависть против греческой гегемонии, готовая вылиться в форму открытого военного выступления», хотя отношения «были внешне спокойны»¹³. Эта «гегемония» заключалась якобы в «бесправном положении» русских в Константинополе, в притеснениях, которым подвергались русские купцы, чья жизнь и имущество «не были там в безопасности»¹⁴.

Но М. В. Левченко также не стал далее задерживаться на известии Пселла, не подверг его более внимательному анализу и не дал ему ясной и цельной оценки. Поэтому как критика И. У. Будовницей концепции М. Д. Приселкова, так и мнение М. В. Левченко были услышаны далеко не всеми. Н. Н. Воронин в своих интересных статьях по-прежнему говорит о церковной «игемонии» Византии на Руси как о факторе огромной политической важности¹⁵. Однако почти одновременно сторонники точки зрения В. Г. Васильевского и И. У. Будовница о сообщении Пселла нашлись среди иностранных историков... «Едва ли достоверными» называет рассуждения Пселла Г. Вернадский¹⁶: Сравнивая известия Пселла и Скилицы о причинах похода 1043 г., Л. Мюллер пишет: «Я думаю, что следует, безусловно, отдать предпочтение последнему, так как

⁸ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — Изв., № 35, 1950, стр. 204—208.

⁹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 387.

¹⁰ Лидо, неизвестное русским летописям. В. Г. Васильевский предполагал, что это имя представляет собой или искажение соответствующего русского имени, или буквальный перевод прозвища («Золотая рука») (В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 206—207).

¹¹ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 388.

¹² Там же, стр. 394.

¹³ Там же, стр. 392—395.

¹⁴ Там же, стр. 395.

¹⁵ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризостом. — ВВ, XXI, 1962; его же. Житие Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины XII в. — ВВ, XXIII, 1963. С полным доверием к известию Пселла относится Н. Н. Ильин, пишущий о нарастании противоречий в отношениях между Русью и Византией при Романе III Аргире и об их особом обострении при Михаиле IV [Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957, стр. 11].

¹⁶ G. Vernadsky. The Byzantine-Russian War of 1043. — «Südost-Forschungen», XII, 1953, p. 61.

он сообщает ясные и достоверные факты; доводы же Пселла о причинах войны представляют собой не историческое повествование, а политический памфлет»¹⁷.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что наиболее подробное освещение война 1043 г. получила не в отечественной, а именно в зарубежной историографии. Сначала детальное изложение хода событий, не вдаваясь в анализ источников, дал Г. Шломберже¹⁸. Затем всестороннее исследование посвятил походу Г. Вернадский в упомянутой выше статье¹⁹. Говоря о причинах войны, он указывает на нарушение византийцами торговых договоров с Киевом, выразившееся в убийстве знатного русского: ведь договоры должны были включать гарантии безопасности в Константинополе для купцов и дипломатов Древней Руси.

Однако инцидент на рынке был лишь следствием другого события. Г. Вернадский высказывает гипотезу, что ссора находилась в связи с мятежом в Италии Георгия Маниака. Мятеж вспыхнул в сентябре 1042 г., к нему примкнула и часть русского корпуса. Через месяц константинопольцы уже знали о событиях в Италии. Поэтому они были настроены враждебно ко всем русским, и драка на рынке при таких условиях могла случиться по малейшему поводу. Г. Вернадский датирует ее октябрем. Маниак высадился в Диррахии в феврале 1043 г. В марте об этом узнали в Киеве. Русские решили объединить с ним свои военные действия против империи²⁰.

Гипотеза Г. Вернадского весьма интересна — она является первой попыткой выйти за рамки церковно-иерархической оценки причин войны 1043 г. Однако, во-первых, эта гипотеза не объясняет причин участия русских в восстании против Мономаха. Во-вторых, ни ссора на рынке, ни участие русского корпуса в мятеже Маниака не могли, по нашему мнению, сами по себе быть причиной дальнего похода. В-третьих, едва ли вероятно, что в марте весть о высадке Маниака в Диррахии, преодолев весеннюю распутицу в Причерноморье, достигла Киева. В-четвертых, Гаральд, который, согласно Г. Вернадскому, сам вел норманнских союзников Владимира Ярославича на помощь Маниаку, был не другом мятежника²¹, а его заклятым врагом.

Вернемся теперь к сообщению Михаила Пселла. Итак, согласно его свидетельству, русские всегда были враждебны к Византии и использовали любой повод для нападения. При Василии II они, однако, не решались на это, страшась Болгаробойцы. Не нападали они и при Константине VIII — последнем мужском представителе «благородного» императорского дома (Македонской династии). При Романе IV русские снова стали помышлять о нападении, но опасались и этого императора, поэтому приготовления к походу шли плохо. Когда же воцарился «безвестный» Михаил IV, они начали собираться в поход и уже совсем были готовы, но Михаил IV умер, а вскоре скончался и его не менее «безвестный» преемник Михаил V. На престол вступил Константин IX Мономах.

¹⁷ L. Müller. Des Metropolitens Harion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 30. Anm. 2; ср. E. Winter. Die Christianisierung der Rus in der Diplomatie des Papsttums und Byzanz. — «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», I. Berlin, 1957, S. 153—154.

¹⁸ G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du X siècle. III. Paris, 1905, p. 460—476.

¹⁹ Мы получили работу Г. Вернадского, когда наша статья уже находилась в печати, поэтому мы не можем уделить его исследованию того внимания, которого оно заслуживает.

²⁰ G. Verнадский. Op. cit., p. 52, 62, 63.

²¹ Ibid., p. 54, 63.

И хотя он ничем не дал повода к войне, русские отправились в поход, не желая, чтобы их сборы оказались напрасными.

Ясно, что, говоря о прежних войнах русских против Византии и об их «старой» вражде к империи «во все времена», Пселл имеет в виду походы Руси на Византию, совершенные до воцарения Василия II. Однако уже здесь Михаил Пселл обнаруживает склонность к неоправданным обобщениям. С 860 по 976 г. (начало правления Василия II) русские действительно предприняли пять походов на Византию (в 860, 905—907, 941, 944 и в 968—971 гг.). Однако в это же время они заключили с византийцами пять или шесть мирных договоров. После каждого столкновения следовал длительный, в несколько десятилетий, период мирных сношений с империей.

С начала X в. русские имели свое подворье в Константинополе, их мирные купеческие караваны совершали регулярные путешествия в Византию. На основании приведенного отрывка из «Хронографии» Пселла можно заключить, что автор был знаком с трудами Константина Багрянородного, который подробно описал сборы русских в их мирные плавания к Константинополю.

Русские, утверждает Пселл, были враждебны империи и при Василии II, и только страх перед этим императором удерживал их от нападения. Но они спасли трон, а может быть и самую жизнь Василия II во время восстания Варды Фоки. За русского («варварского») правителя — князя Владимира была выдана замуж родная сестра императора Анна. Русские приняли христианство по византийскому образцу. Их шеститысячный отряд остался на службе в империи. Что же касается какого-то их ужаса перед Болгаробойцей, о чем пишет Пселл, то следовало бы напомнить, что когда Василий II стал затягивать исполнение обязательства прислать свою сестру на Русь, Владимир осадил и взял византийский Херсон в Крыму, силой вынудив грозного императора придерживаться достигнутой договоренности.

Особенно тесными и дружественными отношения между Русью и Византией стали после 989 г. На рубеже X и XI вв. или в начале XI в. (несомненно, в результате особого соглашения между обоими правящими домами) на Афоне был основан русский монастырь Ксилургу (Древодела). В 1016 г. русский игумен подписался под одним из афонских актов²². В 999—1000 гг. русский корпус участвовал в походе императора в Сирию и на Кавказ²³. В 1016 г. Византия, приводя к повиновению восставших херсонитов, послала против них флот и попросила русских о помощи. Ее оказал Сфенг, которого Скилица называет «братом Владимира»²⁴. В том же году во время похода в Болгарию Василий II делил взятую у врагов добычу: на долю русского корпуса, ставшего постоянной и наиболее боеспособной единицей византийской армии, пришлось столько же, сколько было отдано всему остальному византийскому

²² Actes de Lavra, ed. G. Rouillard et P. Collomp, I. Paris, 1937, № 18, 51—52.

²³ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 40.

²⁴ Флот во главе с Монгом был отправлен в «Хазарию». Страна была подчинена, а ее «архонт» Георгий Цул схвачен (Седг., II. Bonnæ, 1839, p. 464.5—10). Сохранилась его печать, согласно которой он был страгигом Херсона (В. Юргевич. Свиндовые печати, принадлежащие музею Общества. — ЗООИД, т. XV, 1889, стр. 41—42). Следовательно, под «Хазарией» здесь имеется в виду Крым. См. Е. Ч. Скржинская, А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). — МИА, № 17, 1950; ВВ, VI, 1953, стр. 266. А. В. Соловьев отождествляет Сфенга с сыном Владимира, князем Тмутороканским Мстиславом (А. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? — «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses. 1958». München, 1960, p. 575).

войску²⁵. В 1019 г. русские защищали византийские владения в Италии от норманнов²⁶. В 1020—1021 гг. русские снова находились в составе военных сил империи во время второго похода на Кавказ²⁷. В 1025 г. русские были отправлены в Италию для борьбы с сицилийскими арабами²⁸.

В известном противоречии с этими известиями о мирных и дружественных отношениях между Русью и империей находится лишь одно упомянутое нами выше сообщение Скилицы. В 1023—1025 гг. перед столицей Византии появились однодревки с восемьюстами русских воинов. Во главе их стоял «родственник Владимира» Хрисохир, который заявил посланцам императора, что они прибыли для того, чтобы наняться служить в его войске. Последовал приказ сложить оружие и явиться во дворец для переговоров. Хрисохир отказался повиноваться. Он прорвался к Авидосу, у которого разгромил флот стратига Пропонтиды, и появился у острова Лемноса. Здесь русские были «обмануты» (*παρασπουδηθέντες*), окружены флотом фемы Кивирреотов, силами стратига Самоса и дуки Фессалоники и уничтожены²⁹.

По-видимому, это был отряд русской вольницы, отправившийся во время усобиц на Руси на чужбину в поисках славы и добычи, и киевский двор не был ответствен за действия Хрисохира, предпринявшего экспедицию на свой страх и риск.

Во всяком случае этот эпизод, как уже верно отметил М. В. Левченко, не отразился сколько-нибудь существенно на характере русско-византийских отношений.

Итак, свидетельства рассмотренных нами выше источников не только не подтверждают того, что говорит Пселл, но явно противоречат его рассказу.

Далее: нет никаких известий, что русско-византийские отношения претерпели какие-либо изменения в короткое царствование брата Василия II — Константина VIII (1025—1028). Согласно Пселлу, наиболее близкими к этому императору были люди «не благородной и свободной участи, а иноплеменной и варварской». Их он особенно охотно удостоивал высокими почестями³⁰. Этих «варваров», говорит Зонара, Константин наделял и первыми титулами, и должностями, они увозили на телегах дары императора³¹. Не было бы ничего удивительного в том, если бы среди упомянутых «варваров», окружавших Константина VIII, находились и представители того народа, с государством которого Византия была в этот период связана теснее, чем с любой другой страной Европы.

Любопытно, что вкладах византийских монет на Руси по числу найденных экземпляров первое место принадлежит серебряным монетам Василия II и Константина VIII³².

Что же касается заявления Пселла, что русские будто бы должны были бояться Константина VIII, то на этот счет византийские источники единодушны. Трусливый и подозрительный император более всего опа-

²⁵ Седг., II, р. 465.10—13.

²⁶ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина..., стр. 205.

²⁷ В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 312—313, 375.

²⁸ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 208.

²⁹ Седг., II, р. 478.21—479.8.

³⁰ Psellos, I, р. 27.11—13.

³¹ Joannes Zonaras. Epitome historiarum, III. Bonnae, 1897, р. 571.3—6.

³² В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 13. Среди «варварских» подражаний византийским монетам наиболее часто также встречается миллиарсий Василия II и Константина VIII (там же, стр. 18).

сался военных столкновений. По сообщению самого Пселла, этот василевс покупал мир у нападавших на империю «варваров» раздачей титулов и даров³³. Во всяком случае ссылка Пселла на знатность Константина VIII как на причину страха русских перед ним не может быть признана серьезной.

Не согласуется с сообщениями других источников и утверждение Пселла, будто русские готовы были возобновить приготовления к походу на Византию после воцарения Романа III Аргири (1028—1034). Как показал В. Г. Васильевский, в походе Романа III в Сирию в 1030 г. принимал участие русский корпус. Императора в ходе этой кампании окружали телохранители из русских, которые и спасли его от плена во время неудачного сражения³⁴. Согласно свидетельству неизвестного арабского автора, в том же 1030 г. русские совершили поход на Кавказ и в Закавказье. Окруженные врагами, они избрали наиболее безопасный путь к Черному морю — через территорию Византии³⁵, — несомненно, потому, что империя была тогда в дружеских отношениях с Русью. Одновременно, в 1030-м же году русский монастырь сделал новое приобретение³⁶. По-видимому, он рос и богател. В 1034 г. русские участвовали во взятии крепости Пергри (Перкрин) на армянской границе³⁷.

Следует также обратить внимание на то, что Роман III до своего воцарения был епархом Константинополя. Исполняя эту должность, он, конечно, встречался с русскими дипломатами и купцами и должен был дружески относиться к ним, как к представителям двора, родственного правящей в империи династии. Вероятно, что подтверждают приведенные выше свидетельства, его отношения к русским не изменились и после воцарения и женитьбы на Зое — племяннице русской княгини Анны.

При «худородном» и «безвестном» Михаиле IV Пафлагонце (1034—1041), вопреки свидетельству Пселла, отношения с русскими не только не испортились, а стали еще более тесными и дружескими.

В начале правления этого императора русский корпус находился во Фракийской феме³⁸. Михаил IV вступил на престол в середине апреля 1034 г. Несомненно, Гаральд Гардар, отправившийся в этом или следующем году из Киева, где он в течение нескольких лет жил при дворе Ярослава Мудрого и принимал участие в его походах, знал о переменах на троне в Византии прежде, чем тронулся в путь. Кекавмен прямо пишет, что Гаральд «пожелал прийти и поклониться блаженнейшему василевсу Михаилу Пафлагонцу и увидеть ромейское благолепие. Привел он с собою и войско из пятисот храбрых воинов»³⁹. Едва ли друг Ярослава отправился бы в Византию на службу к императору, против которого в то же время, если верить Пселлу, Ярослав готовил военное предприятие.

Русский корпус продолжал участвовать в войнах в Сицилии против арабов⁴⁰. Русский отряд находился среди войск Георгия Маниака в Ита-

³³ Psellos, I, p. 25.6—8; ср. Zon., III, p. 570.3—5.

³⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 212—213.

³⁵ В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье. — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. III, fasc. 3. Budapest, 1953, p. 209.

³⁶ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, стр. 2.

³⁷ Cedr., II, p. 503.6—7.

³⁸ Cedr., II, p. 508.19—509.4.

³⁹ Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officii regis libellus, ed. V. Wassiliewsky et V. Jernstedt. — «Записки ист.-филол. фак-та С.-Петербургского ун-та», ч. XXXVIII, 1896, стр. 97.5—8.

⁴⁰ F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicilie, I. Paris, 1907, p. 90.

ли и в конце царствования Михаила IV⁴¹. Именно при этом императоре Ярослав заложил в Киеве каменный храм св. Софии с помощью византийских архитекторов, а соборные Ярославом «письде многы» перевели на славянский язык греческие книги. От конца 30-х годов XI в. идут и первые сообщения о греческом митрополите на Руси, поставившемся константинопольским патриархом.

В конце царствования Михаила IV вместе с русскими купцами в Константинополе оказался и какой-то знатный русский, может быть, посол киевского князя⁴².

В проведении дружественной политики по отношению к Руси существовала и непосредственная преемственность между царствованием Романа III и царствованием Михаила IV. Еще исполняя должность епарха, Роман Аргир приблизил к себе сына менялы Иоанна Пафлагонца (Орфанотрофа)⁴³, который стал советником Романа после воцарения, а при Михаиле IV, своем брате, был всемогущим временщиком. С торговоростовщическими кругами, которым в первую очередь приходилось общаться с русскими купцами, Иоанн Орфанотроф и Михаил IV были связаны и через своего зятя, мужа их сестры Марии — Стефана Калафата.

По своему характеру торговля русских с византийцами отличалась от торговли с итальянскими купцами. Между русскими и местными, византийскими, торговцами едва ли существовало какое-либо соперничество. В отличие от итальянцев, все чаще привозивших в Византию изделия своих ремесел и перехватывавших нити транзитной торговли Константинополя с Востоком, русские везли в столицу империи главным образом сырье — меха, воск, мед, кожи, пеньку и не являлись серьезными торговыми конкурентами для константинопольских купцов. Скорее наоборот — торговля с русскими купцами приносила значительные выгоды византийцам.

Есть основания предполагать, что роль русских в Византии стала еще более значительной в кратковременное правление Михаила V, вышедшего из торгово-ростовщической среды и искавшего опоры прежде всего в верхах торговых и ремесленных корпораций⁴⁴. Михаил V, сообщает Пселл, окружил себя «скифами», «одни из них были его телохранителями, другие служили его замыслам»⁴⁵. В другом месте Пселл называет этих телохранителей «тавроскифами» (т. е. русскими)⁴⁶. Затеявая ссылку и пострижение Зои, Михаил V хотел схватить или даже убить патриарха, ее приверженца. Выполнение чрезвычайного поручения было возложено на отряд русских и болгар. Патриарху, однако, будто бы удалось откупиться⁴⁷. В. Г. Васильевский, анализируя данные рассказа Пселла о восстании против Михаила V и сообщения норманнских саг, пришел к выводу, что во время восстания наемная варяго-русская дружина раскололась — русские защищали Михаила V, тогда как норманнские наемники во главе с Гаральдом находились среди восставших⁴⁸. Нам этот

⁴¹ Μιχαήλ Ψελλός, in: Κ. Σάβας. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, V. En Venetia, 1876, p. 138.

⁴² Cedr., II, p. 551.7.

⁴³ Cedr., II, p. 504.9—11; В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 329.

⁴⁴ Psellos, I, p. 96.2—11; Attal., p. 12.9—19; Cedr., II, p. 536.9—13. Cf. Jr. Vryonis. Byzantine δημοκρατία and the Guilds in the Eleventh Century. — DOP, 17, 1963, p. 305.

⁴⁵ Psellos, I, p. 95.11—17.

⁴⁶ Ibid., p. 102.19—20.

⁴⁷ Об этом сообщает арабский автор Ибн ал-Асир (см. В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 330).

⁴⁸ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 283—287. Г. Шломберже (G. Schlumberger. Byzance et Croisade. Pages médiévales. Paris, 1927, p. 13—14,

вывод не представляется несомненным. Саги, согласно которым Гаральд участвовал в штурме дворца, — слишком ненадежный источник. Сообщения же Пселла не дают возможности утверждать, что варяго-русская дружина раскололась именно по этническому признаку. Пселл говорит о ней четыре раза, рассказывая о царствовании Михаила V. Первое сообщение мы уже процитировали (о скифах, приближенных к императору).

Приведем следующие три свидетельства. «На другой день (после ссылки Зои), — пишет Пселл, — уже никто не сдерживал язык, ни люди, облеченные достоинствами, ни служители алтаря, ни даже родственники Михаила и его домочадцы. Люди же, занимающиеся ремеслом, готовились к великим дерзостям; даже иноплеменники и союзники, которых обычно содержат василевсы, я имею в виду скифов у Тавра, или какие другие не могли удержатъ своего гнева, но все хотели положить душу за царицу»⁴⁹.

Дворец окружили возбужденные толпы. «Итак, всякий и каждый вооружился. Один сжимал в руках топор, другой потрясал тяжелой железной секирой, кто схватил лук, а кто кошь»⁵⁰. Ни у В. Г. Васильевского⁵¹, ни у издателя и переводчика Пселла — Э. Ренó⁵² не возникало сомнений, что здесь имеются в виду русские секироносцы. Михаил V, сначала хладнокровно отнесшийся к народному волнению, смутился, однако, и растерялся, когда оказался осажденным в своем дворце. «Он и выйти боялся, — рассказывает Пселл, — и оставаться на месте ничуть не менее опасался; ни во дворце у него не было союзной силы, ни извне он не мог ее позвать, ибо даже из содержимых во дворце иноплеменников одни были как-то сомнительны в своих настроениях и не полностью повиновались приказаниям, другие же явно перешли на враждебную сторону и, отложившись, присоединились к толпе»⁵³.

Итак, из этих сообщений можно сделать лишь тот вывод, что после того как восстание охватило весь город, часть русских и норманских телохранителей покинула Михаила V, а часть осталась во дворце защищать императора. Согласно Греттировой саге, особенно большим прилив норманнов в Византию был при «Михаиле Каталаке» (Калафате)⁵⁴. Однако это известие едва ли соответствует истине: в царствование Михаила V (10.XII.1041—20.IV.1042 гг.) великий путь «из варяг в греки» бездействовал. Скорее всего, сага имеет в виду Михаила IV, дядю Калафата.

Таким образом, ничто не оправдывает утверждения Пселла, что русские собирались в поход против Михаила IV. Напротив, мирные связи с ними еще более окрепли при этом императоре.

О воцарении же Михаила V вряд ли на Руси узнали прежде, чем он был свергнут.

Помимо всего прочего, нелепо думать вслед за Пселлом, будто русским понадобилось на подготовку войны около девяти лет (если допустить, что весть о воцарении Михаила IV в апреле 1034 г. пришла на Русь летом того же года). Согласно Константину Багрянородному, на

39), напротив, опираясь на известия Ибн ал-Асира и Пселла, считает, что русские наемники в эти критические дни проявили преданность Зое как представительнице старой династии и открытую враждебность к Михаилу V.

⁴⁹ Psellous, I, p. 102.15—22.

⁵⁰ Ibid., p. 103.1—4.

⁵¹ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 281.

⁵² Psellous, I, p. 103, n. 3.

⁵³ Psellous, I, p. 104.8—105.15.

⁵⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 192.

сборы для поездки в Константинополь они тратили, даже в том случае, когда было необходимо построить новые суда, не более 6—7 месяцев⁵⁵.

Мы не можем привести ни одного факта, относящегося ко времени между 989 и 1042 гг. и свидетельствующего о враждебности византийцев к русским. Нет и таких фактов, которые говорили бы о каких-либо проявлениях ненависти русских к Византии, за исключением эпизода с Хрисохиром.

Не существует также решительно никаких доказательств того, что церковно-иерархическая зависимость Киева от Константинополя якобы вызывала в это время раздражение или неудовольствие русских. Как патриарх в Константинополе не определял внешнеполитического курса империи, так и митрополит в Киеве, к тому же иноземный, не мог диктовать свою волю киевскому князю в его внешних сношениях — в особенности такому могущественному государю, каким был Ярослав Мудрый. О какой подлинной зависимости русского правителя от далекого византийского императора может идти речь, если она осуществлялась лишь через посланного из Константинополя митрополита? Чтобы порвать эту «зависимость», не было нужды отправляться за море. Она и так не могла быть реализована византийским двором, а митрополит находился фактически в полной власти князя. Да и можно ли говорить об определяющей политической роли византийского митрополита на Руси, коль скоро поход против его родины был все-таки организован?

Следует также еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемом нами отрывке из «Хронографии» Пселла выражение «ἡ Ῥωμαίων ἡγεμονία» означает только «государство», «держава» и ничего более. (А ведь именно это неверно понятое выражение Пселла по существу является главной основой теории о тяжести греческой церковной «игемонии».) В подобном значении употребляет Пселл данное слово и в другом месте своей «Хронографии». Рассказывая о внутренней политике Константина IX Мономаха, историк пишет, что правильное распределение титулов и денег есть то главное средство, которое служит упрочению Ῥωμαίων ἡγεμονία⁵⁶. Дважды в таком смысле употребляет это выражение в своих речах и Мануил Стравороман (ὁὗτως ἔσχε τῇ Ῥωμαίων ἡγεμονία τὰ πράγματα⁵⁷, κείται μὲν ἀνὴρ, τῆς τε βασιλείας οἰκίας ὅποση βᾶσις καὶ κοινὴ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας⁵⁸). В таком же значении использует слова ἡ Ῥωμαίων ἡγεμονία ритор Михаил в речи к Мануилу I Комнину⁵⁹.

Итак, мы пришли к выводу, что утверждение Пселла о неизменной враждебности русских к византийцам, начиная с правления Василия II вплоть до воцарения Константина IX, и об их многолетних сборах в поход не соответствует действительности. Напротив, все рассмотренные нами выше известия находятся в полном согласии с тем, что рассказывает о походе 1043 г. Иоанн Скилица. «Случилось же в июне этого индикта, — пишет он, — и движение народа Рос против столицы. Ведь вплоть до того времени [до июня 1043 г.] они, будучи в дружественных отношениях

⁵⁵ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, I, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 9.9—20.

⁵⁶ Psellos, I, p. 132.6—8.

⁵⁷ P. Gautier. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis I-er Comnène, Manuel Straboromanos. — REB, XXIII, 1965, p. 190.8.

⁵⁸ Ibid., p. 197.19—21.

⁵⁹ R. Browning. A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the Twelfth Century. — «Balkan Studies». Θεσσαλονίκη, 2, 1961, p. 201.525. См. также Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Palaeologis libri tredecim, I. Bonnae, 1835, p. 52.9—40.

с ромеями и живя с ними в мире, без страха и встречались друг с другом, и купцов друг к другу посылали»⁶⁰.

Пселл обещал рассказать особо о причинах нападения русских, но привел лишь неясные ссылки на знатность или незнатность императорского рода как побудительный мотив нападения «варваров». Что же касается самого похода 1043 г., то его причину Пселл назвал «беспричинной».

Другое мы читаем у Скилицы: «В то же время, когда в Византии произошла ссора с несколькими скифскими купцами и за нею последовала схватка, был убит некий знатный скиф. Тогда правитель (*κατάρχων*) их народа Владимир, муж горячий, охваченный большим гневом, раздраженный и обозленный случившимся, безотлагательно, не ожидая удобного времени для отправления, соединив под своим командованием всех способных к битве, а также взяв с собою не мало союзников из народов, проживающих на северных островах Океана, и собрав толпу, как говорят, около 100 тысяч человек и посадив их в туземные суда, называемые однодревками, двинулся против столицы»⁶¹.

Итак, вместо сомнительных рассуждений Пселла о «беспричинной войне» — вполне конкретный повод к ней: враждебное столкновение в Константинополе и убийство знатного русского, приведшее к межгосударственному конфликту.

Ссора с русскими произошла, безусловно, не в 1043 г., как это верно отметил Г. Вернадский. Русские войска появились перед Константинополем уже в июне 1043 г. Едва ли было возможно, чтобы в промежуток времени с начала апреля (когда вскрывается Днепр) по июнь весть о происшедшем успела достигнуть Киева и русские смогли бы собраться и прибыть к июню к берегам Босфора. Ссору следует относить к лету — ранней осени 1042 г. Хотя у нас есть некоторые основания полагать, что русские купцы могли в это время оставаться на зиму в Константинополе⁶², едва ли сообщение между двумя столицами осуществлялось и зимой.

Мы не думаем, что описываемое Скилицей событие было подлинной причиной дальнего и трудного похода русских. Длительные, ставшие традиционными дружественные отношения с империей едва ли, по нашему мнению, могли быть нарушены из-за ссоры в столице и убийства одного знатного русского. Ярослав был слишком трезвым правителем, весьма дорожившим внешними связями Руси, чтобы сразу братья за оружие против державы, отношения с которой способствовали росту международного престижа Древнерусского государства. Не следует забывать, что русские купцы остались в Константинополе и после того, как произошел инцидент на рынке. Столкновение с русскими в столице империи послужило, с нашей точки зрения, не причиной, а поводом к войне, как этот эпизод и именует Зонара⁶³. Скилица пишет, что Мономах в послании к Владимиру называл инцидент в столице «малостью», ради которой не стоит нарушать мир⁶⁴. Столкновение само стало возможно лишь в результате ухудшения политических отношений, наступивших по гораздо более серьезным причинам.

⁶⁰ Седг., II, p. 551.4—5.

⁶¹ Ibid., p. 551.5—15.

⁶² Согласно сообщению Скилицы (Седг., II, p. 551.5—7), русские купцы уже находились в Константинополе, когда в июне 1043 г. русский флот приближался к столице империи. Трудно допустить, что купцы отправились в Византию в эту же весну, когда уже велись сборы в военный поход.

⁶³ Зоn., III, p. 631.17.

⁶⁴ Седг., II, p. 551.18.

Как нам представляется, источники дают некоторое основание предполагать, что в период между восстанием против Михаила V (апрель 1042 г.) и июньским походом 1043 г., а точнее, между 12 июня 1042 г. (день коронации Константина IX Мономаха) и концом сентября—началом октября этого года (время отправления на родину последних русских караванов перед зимним периодом), в политике Византии по отношению к Киеву произошли серьезные перемены.

К этому времени в Византии сложилось два центра, к которым тяготели все русские, по той или иной причине оказавшиеся в империи. Одним из этих центров был монастырь Ксилургу на Афоне, ставший весьма важным звеном в расширении и укреплении церковных и культурных русско-византийских связей⁶⁵. Русские паломники стали частыми гостями на Афоне, а также в Константинополе и в далеком Иерусалиме — там также появилась постоянно проживавшая группа русских монахов⁶⁶.

Гораздо большую роль играл второй центр — в самой столице империи, где сложилось своеобразное русское землячество, объединявшее не только купцов и дипломатов, но также военных, служивших в византийской армии, паломников, путешественников и духовных лиц. Пребывавшие в Византии русские, каких бы рангов, сословий и положений они ни были, не теряли связей со своей родиной и поддерживали друг с другом тесные контакты на чужбине. Византийский двор относился к этим представителям Древнерусского государства как к единому целому. Перемены в отношениях между Русью и Византией тотчас отражались на положении русской колонии в столице империи. По-видимому, к русским в Константинополе примыкали норманские купцы и воины, состоявшие, по крайней мере во время княжения Ярослава, в тесных дружеских отношениях с Русью. Сын норманки Рогнеды, женатый на дочери Олафа Шведского — Ингигерде, Ярослав постоянно прибегал к помощи своих норманских союзников.

Новое правительство во главе с Константином IX Мономахом, пришедшее к власти после сильных общественных потрясений, осуществляло чистку государственного аппарата от приверженцев и ставленников Пафлагонцев. Из него устранялись все те, кто был приближен к Михаилу IV, сославшему Константина Мономаха, и к Михаилу V, постригшему Зою, которая возвела Мономаха на престол. Нерасположение императора — ставленника столичной гражданской знати — отразилось особенно сильно на командном составе византийского войска. Мономах удалил не только советников Михаила V, среди которых, как мы помним, были «скифы», но его немилость распространилась и на военные контингенты, пользовавшиеся особым расположением Пафлагонцев. С недоверием должен был отнестись новый император и к русским и норманским телохранителям, часть которых защищала Михаила V во время народного восстания и осмелилась поднять руку на патриарха, освятившего новый брак Зои и венчавшего Мономаха на царство.

Фактом первостепенной важности является, на наш взгляд, то обстоятельство, что в мятеже Георгия Маниака в Италии, начавшемся летом или ранней осенью 1042 г., принял участие русский корпус⁶⁷. Маниак, пишет Пселл, «стянул не малые конные и пешие силы древнего Рима, присоединил к ним весьма сильное войско Востока и значительную часть

⁶⁵ Вл. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — ВВ, 9, 1, 1947.

⁶⁶ Макарий. История русской церкви, т. I. СПб., 1868, стр. 231.

⁶⁷ Этот факт впервые оценил Г. Вернадский (G. Vernadsky. Op. cit., p. 62), но придал ему в сущности решающее значение.

русского отряда»⁶⁸. Как известно, Маниак дошел почти до Фессалоники, близ которой погиб весной 1043 г. в битве с императорскими войсками, уже почти разгромленными мятежником. Мы считаем, что весть об этом событии, быстро достигшая Афона (Маниак находился от него всего в нескольких переходах), могла послужить причиной разгрома пристаней и складов русского монастыря Ксилургу. Этот погром обычно датируется промежутком времени между 1043 и 1046 г.⁶⁹ В. А. Мошин связывает его с походом русских на столицу в июне 1043 г.⁷⁰ Однако вполне возможно, что он произошел еще раньше — в результате участия русских в восстании Георгия Маниака.

Для наших целей необходимо кратко рассмотреть историю последних лет пребывания в империи норвежского принца Гаральда Гардара. К сожалению, основные акты на этот счет сохранились лишь в столь недоверенном источнике, как песни скальдов и норвежские саги. Согласно сагам, Гаральд участвовал в кампании Маниака в Сицилии и Италии, но находился с ним во враждебных отношениях. Он вернулся в столицу, был обвинен в присвоении добычи и подвергся заключению. По другим сагам причиной заключения Гаральда послужила романтическая история, героиней которой являлась либо некая знатная дама, либо «племянница» или даже «внучка» императрицы Зои — Мария⁷¹. Вырвавшись из тюрьмы, Гаральд пробился в покои императора и ослепил его. В. Г. Васильевский⁷² и С. Блондаль⁷³ считают, что речь идет о Михаиле V и что Гаральд принял участие в восстании против этого императора. Однако согласно саге, норвежец был посажен в тюрьму не Михаилом V, а Константином Мономахом по настоянию императрицы Зои. Чудом спасшись из тюрьмы, Гаральд бежал из Константинополя, захватив с собой Марию, которую он вернул «в неприкосновенности» домой, достигнув Черного моря.

Мы полагаем, что на основании легендарных и противоречивых сведений саг невозможно восстановить подлинную картину событий. Из общаемых сагами фактов следовало бы обратить внимание лишь на те, которые находят подтверждение в других, более достоверных источниках. Как раз сообщение саг о враждебном отношении к Гаральду именно Константина IX Мономаха и о бегстве норвежского принца из столицы империи находит такое подтверждение. Кекавмен сообщает: «После же смерти Михаила и его племянника, низложенного василевса, Гаральд при Мономахе захотел, отпросясь у него, уйти в свою страну. Но тесным для него оказался выход. Впрочем он ушел тайно...»⁷⁴

⁶⁸ Μιχαήλ Ψελλός. Op. cit., p. 138: ὑποσπᾶ δὲ καὶ τῆς παλαιᾶς Ῥώμης οὐκ ὀλίγην ἰππικὴν τε καὶ πεζικὴν δύναμιν, συνάλπει τούτοις καὶ ἑφάς τὸ κράτιστον στρατεύμα, καὶ τῆς Ῥωσικῆς μοίρας οὐκ ἐλάχιστον...

⁶⁹ Акты русского на св. Афоне монастыря... стр. 18.

⁷⁰ В. Мошин. Указ. соч., стр. 70—72.

⁷¹ Исследователи справедливо отмечают, что у Зои не было племянниц, а тем более внучек, и считают Марию сказочным персонажем (В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина..., стр. 280; S. Blöndal. The Last Exploits of Herald Sigurdsson in Greek Service. — «Classica et mediaevalia», v. II, fasc. 1. Copenhagen, 1939, p. 24; A. Stender-Petersen. Etudes Varègues... — «Classica et mediaevalia», v. III, fasc. 1. Copenhagen, 1940, p. 3—4). Однако среди лиц правящего дома была как будто некая Мария, дочь Константина Мономаха и падчерица Зои — впоследствии супруга Всеволода Ярославича (см. В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — «Историко-археологический сборник». М., 1962; A. V. Soloviev. Marie fille de Constantin IX Monomaque. — Byz., 33, 1963).

⁷² В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина..., стр. 278—279.

⁷³ S. Blöndal. The Last Exploits..., p. 14. По мнению Блондаля, арест Гаральда был естественным следствием освобождения из тюрьмы в 1042 г. его личного врага Георгия Маниака (ibid., p. 5, 7).

⁷⁴ Cesaumeni Strategicon..., p. 97. 20—24.

Таким образом, очевидным является недоброжелательное отношение Константина IX к другу⁷⁵ Ярослава — Гаральду. Ревностно служивший Михаилу IV, почтившему его титулом спафарокандидата⁷⁶, и Михаилу V, Гаральд не захотел остаться на службе у Константина Мономаха. Отказ императора отпустить Гаральда, свободного наемника, представителя правящей династии Норвегии, был, несомненно, и незаконным, и явно враждебным актом⁷⁷.

Бегство Гаральда произошло, по всей вероятности, летом—осенью 1042 г. На начало царствования Мономаха указывает приведенный выше пассаж из сочинения Кекавмена. Исследователи норвежских саг также относят время пребывания Гаральда на Руси и его женитьбу на Елизавете Ярославне к зиме 1042/43 г.⁷⁸ Вполне вероятно, что Гаральд был первым вестником на Руси о событиях в Константинополе весной—летом 1042 г.⁷⁹ Его рассказы в Киеве не могли быть, конечно, благоприятными для Константина Мономаха.

Мы считаем, что в промежуток времени между серединой июня и октябрём 1042 г. антирусский курс политики Мономаха проявился достаточно явственно. Именно это обстоятельство обусловило присоединение русского корпуса к восстанию Маниака против Мономаха и решение Гаральда оставить службу в империи. Антирусский курс политики Константина Мономаха после длительного периода тесных дружеских отношений и послужил, по нашему мнению, подлинной причиной похода 1043 г.

Сборы в поход должны были начаться той же зимой, когда Гаральд прибыл на Русь. По-видимому, он принял в них деятельное участие не только как зять и союзник Ярослава, но и как личный враг Мономаха⁸⁰. Согласно Скилице, в войске Владимира Ярославича находились обитатели «северных островов Океана», т. е. норманны, принявшие участие в походе, по всей вероятности, не без содействия Гаральда⁸¹.

Весной 1043 г. у Мономаха были все основания опасаться столкновения с русскими. Катакалон Кекавмен, управлявший территорией между

⁷⁵ Согласно сагам, во время своей службы в Византии Гаральд отправлял на сохранение Ярославу полученные им от императора и награбленные в походах богатства (S. Blöndal. *The Last Exploits...*, p. 5—6; A. Stender-Petersen. *Études Varegues...*, p. 10).

⁷⁶ *Cesaumeni Strategicon...*, p. 97.20.

⁷⁷ С. Блондаль (S. Blöndal. *The Last Exploits...*, p. 24) и Л. Мюссе (L. Musset. *Les peuples scandinaves au moyen âge*. Paris, 1951, p. 170) полагают, что Гаральд поспешил домой потому, что услышал о воцарении в Норвегии своего племянника Магнуса, и отправился оспаривать престол. Но Магнус воцарился еще в 1035 г., и Гаральд должен был знать об этом задолго до 1043 г. Кроме того, торопясь покинуть империю, Гаральд не очень спешил к родным пенатам. По крайней мере одну зиму он провел при дворе своего тестя Ярослава.

⁷⁸ S. H. Cross. *Yaroslav the Wise in Norse Tradition*. — «*Speculum*», v. IV, № 2, 1929, p. 181; A. Stender-Petersen. *Études Varegues...*, p. 19; M. A. Δεβιῆ. *Οι Βάραγγοι και τὸ Βυζάντιον*. — *Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τῆς Ἑλλάδος*, IX, 1926, σελ. 218.

⁷⁹ Такую же точку зрения высказывает и Г. Вернадский (G. Vernadsky. *Op. cit.*, p. 63).

⁸⁰ В. Г. Васильевский допускает даже, что Гаральд сам принял участие в этом походе как зять Ярослава или как жених его дочери («Варяго-русская и варяго-английская дружина...», стр. 303). В противоречии с этим, однако, маститый византист считает датой бегства Гаральда из Константинополя 1043 г. Но можно ли допустить, что между апрелем и июнем 1043 г. Гаральд успел дважды преодолеть расстояние между Киевом и Константинополем?

⁸¹ Кекавмен особо подчеркивает, что, будучи королем Норвегии, Гаральд «сохранил верность и любовь к ромеям» (*Cesaumeni Strategicon...*, p. 97—27). Но Гаральд стал единовластным правителем Норвегии лишь в 1047 г., когда и Русь снова находилась в дружеских отношениях с Византией.

Балканами и Дунаем, получил приказ стеречь побережье и не позволять русским высаживаться на берег⁸². Экстренные приготовления велись и в самом Константинополе. Константин Мономах, сообщает Скилица, «пребывающих в столице скифских купцов, а также людей, находящихся там на положении союзников, разослал по фемам, остерегаясь, чтобы не были ими, если они будут находиться внутри, учинен какой-либо заговор, как к тому располагали обстоятельства и рискованность дела»⁸³.

Из этого сообщения следует, что русские, находившиеся в Византии, жили в это время не в предместье, а в самой столице; их колония (Скилица говорит прежде всего о купцах и воинах) в Константинополе была тогда настолько значительной силой, что император опасался, как бы русские, живущие в городе, не оказали действительную помощь своим приближающимся к столице соотечественникам. Более того, Мономах, может быть, допускал, что русские могли найти союзников и среди местного населения (*ἐπιβουλὴ τις ἀνεγερθῆ*).

Мономах считал нужным не просто удалить русских из Константинополя, а рассредоточить их, разослав в разные фемы. По-видимому, император был достаточно уверен в том, что русские купцы и воины не питают к нему никаких симпатий. Эта операция проводилась, конечно, насильственным путем и не могла не причинить серьезного материального ущерба русским, особенно купцам.

Таким образом, рассмотренные выше факты убеждают нас в том, что причины похода русских в 1043 г. нужно искать в политике Константина Мономаха по отношению к русским в первые полгода его царствования. Что касается того значения, которое имел при этом церковный вопрос, то в источниках эта сторона дела не нашла никакого отражения. Существующие в исторической литературе по этому вопросу теории (мы говорили о них в начале статьи) являются чисто умозрительными. Вполне возможно, проблема церковных связей не имела никакого отношения к походу.

В заключение необходимо дать оценку рассмотренному нами свидетельству Пселла. Мы вынуждены констатировать, что оно находится в вопиющем противоречии со всеми другими показаниями источников и является следствием или плохой осведомленности автора или сознательного искажения исторической действительности. Казалось бы, в пользу первого предположения говорит явная нелюбовь Пселла к фактам внешнеполитической истории. Как правило, эти факты занимают в «Хронографии» Пселла очень мало места и излагаются в самом общем виде. Но, с другой стороны, нельзя упускать из виду, что автор принадлежал к высшим придворным кругам и в данном случае был очевидцем описываемых событий. Вполне вероятно, из каких-то политических соображений Пселл решил скрыть подлинное положение вещей. Конфликт с русскими был через три года урегулирован, дочь Константина Мономаха стала женой Всеволода Ярославича. Окончились миром и согласием и церковно-иерархические споры 1051 г. Русь стала снова дружественной страной, ее двор — родственным правящему императорскому дому. Видимо, поэтому лукавый царедворец, пытающийся всячески обелить ничтожную фигуру любезного его сердцу императора, попытался взвалить вину за конфликт 1043 г. на русских, доказывая, что их ненависть

⁸² Седг., II, p. 555.6—11.

⁸³ Седг., II, p. 551.20—552.3. Любопытно, что такое же решение выселить проживавших в Константинополе латинян было принято и во время осады города крестоносцами весной 1204 г. Этих латинских поселенцев, говорит Акрополит, было весьма много, и руководившие обороной столицы боялись их восстания (*Georgii Acropolitae Opera*, rec. A. Heisenberg, vol. I. Lipsiae, 1903, p. 7.10—21).

в сущности была обращена не на «благородного» Мономаха, а на «худородного» Михаила IV, что они были постоянными врагами Византии и только знатность правящего императора удерживала их от нападения на империю при Василии II, Константине VIII, Романе III. Ныне вновь император (Константин Мономах) знатен, русские же тем не менее напали. И Пселл избегает противоречия простой ссылкой на то, что поход готовился против Михаила IV. Именно потому, что Пселл стремится скрыть вину Мономаха в происшедшем столкновении, он столь назойливо, до трех раз, твердит, что император был ни в чем неповинен.

Так или иначе, но нам представляется, что изложенная выше гипотеза позволяет объяснить обстоятельства дела лучше, чем пресловутая теория «игемонии», в основе которой лежит неверный перевод источника и произвольное его истолкование, или теория Г. Вернадского о помощи византийскому мятежному полководцу, которого поддержала часть русских наемников в империи.